

Михаил Иванович Смирнов родился в 1958 году в городе Салават. Печатался в «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Молодая гвардия», «Смена», «День литературы», «Сибирские огни», «Литературный Крым», «Север» и др. изданиях. Лауреат литературных премий им. Н.С. Лескова, А.Н. Толстого и А.И. Куприна и других творческих наград. Автор нескольких книг художественной литературы. Живет в городе Салават.

Михаил Смирнов

ДУХОВО БОЛОТО

Рассказ

Вороны кружились над двором. Невысокая худенькая Зинаида в темном платье, кофте с подвернутыми рукавами, поверх — безрукавка, на голове — линиялая косынка, погрозила кулаком, нахмурилась, взглянув на множество птиц, которые метались над деревней, что-то забормотала под нос, громыхнула тазом и принялась быстро развешивать белье на веревке, натянутой посреди двора. Расправила последнюю наволочку, резко стряхнула, словно из ружья выстрелила, и вороны бросились прочь от звука, а потом снова закружились над ней. Зинаида взглянула на ворон, сдернула с забора две-три тряпки и направилась в избу. И тут же присела, прикрывая голову руками. Вскрикнула. Ворона, едва не вцепившись в косынку, громко закартавила, всполошено замахала крыльями и пронеслась над головой. Следом за ней затрещала крыльями другая, атакуя Зинаиду. Отмахиваясь тряпками, она взбежала на крыльцо, теряя галоши, и торопливо юркнула на веранду. Лохматая небольшая собака взвизгнула, когда вороны набросились на нее, тоненько и протяжно завyla и осеклась, испугавшись хозяйку, когда она выскочила с сапогом на крыльцо и, размахнувшись, бросила в нее. Собака поджала хвост, быстро шмыгнула в старую конуру, спряталась в глубине и снова протяжно и тоскливо завyla.

— Опять воронья стаи над деревней кружат. Не к добру появились. Не иначе, беду на крыльях принесут, — Зинаида мелко перекрестилась. — Господи, помоги! Отведи беду от нашего дома!

Она поставила таз на табуретку, бросила тряпки на лавку, где стоял большой бидон. Рядом с ним примостилась пестрая кошка. Зинаида хлопнула дверью, зашла в избу, продолжая охать и причитать, заглянула в горницу и тут же принялась ругаться.

В полутемной горнице ее муж, Матвей, распахнул створки шкафа, стоявшего в углу, опустился на колени и принялся с полок вываливать тряпье, разгребал его, чертыхался и отбрасывал в сторону — и снова скрывался в шкафу, опустошая полки. Потом поднялся. Стащил со шкафа два огромных узла, развязал и стал перетряхивать вещи, что-то выискивая.

— Ну, ты глянь на него, — всплеснула руками Зинаида и закачала головой, взглянув на вещи, валяющиеся на полу. — Не успела на двор выйти, чтобы белье развесить, а он соскочил и устроил настоящий погром в избе. Ты же спал, зараза этакая. Храпел, аж стены дрожали. Зачем поднялся? Вон какая непогодь на улице. В такую погоду только спать и спать, а ты соскочил. Теперь будешь всю ночь из угла в угол ходить. Сам не спишь и мне покоя не дашь. Что ищешь в шкафу? Мало выпил за обедом? Решил поискать, пока я отлучилась. Я же наливала тебе. Хватит. И не ройся в вещах, все равно не найдешь. Как на духу говорю. Не шарься. Я весь запас по соседям разнесла. Не ищи, повторяю, там ничего нет! И хватит вещи разбрасывать. Встала в следующий раз тебя заставлю стирать.

И нахмурилась, вначале перед ним, руки в боки.

— Отстань со своими бутылками! — не поднимая головы, рявкнул Матвей, продолжая копаться. — Если захочу, всегда найду выпивку... — И тут же взглянул на жену. — Слышь, Зинка, куда запрятала новые тапки, ну те, что наша Валька привозила для меня? Помню, где-то видел, все перерыл, а они запропалились. Куда убрала?

Он снова посмотрел на жену.

— А тебе-то зачем? — удивленно спросила Зинаида. — Ты же заявил, что в избе привык босиком ходить, а по улице в тапках не ходят. И махнул рукой, что тапочки — это баловство и не более того. Я и того... — И подозрительно так: — А для чего ищешь? В окошко видела, что ты с Игнатом Гороховым стоял на улице. Все наговориться не могли. Разойдутся в разные стороны и снова сходятся, опять начинают языками трепать, как бабы базарные. Ему пообещал? Не иначе, на бутылку сменяешь. Ты бы лучше с ним договорился, чтобы солому привезти да в лес съездить. Говорят, зима суровой будет, а у нас дров в этом году — кот наплакал. Хороший мужик в дом тащит, а ты из дома. Гляди у меня... Сразу кочережкой прогуляюсь по хребтине, а потом все руки поотшибаю, что нажитое добро разбазариваешь. Не тобой положено, не тебе брать. Гляди, дважды не стану повторять. Ты меня знаешь...

И, грозно сдвинув бровки, она погрозила пальцем.

— Ты, Зинка, не придумывай, — буркнул Матвей, вытащил еще одну охалку тряпья и стал расшвыривать. — Пока ты постирушками занималась и белье развешивала на дворе, мне батя приснился. Аж сердце затрепыхалось, и воздуха не стало хватать, когда его увидел. Он стоит и смотрит на меня, аж мурашки по мне забегали, а потом велел принести ему другую обувку. Говорит, что ботинки жмут. Все ноги посбивал. Велел, чтобы я принес посвободнее да помягче обувку, если такая есть. Я стал отнекиваться, мол, где взять ее — эту обувь, сам в кирзачах хожу, а потом вспомнил, что мне тапки подарили. Удобные, мягкие. Дай, думаю, отнесу. Все равно без дела валяются. Тапочки — это обувь не для деревни. В тапках только по городу форсить или в домовину класть — милое дело, а по деревенской улице ходить, так никаких денег не напасешься на них.

Зинаида ойкнула, прижала руки ко рту и невольно оглянулась на окосшко, где в воздухе продолжали кружиться вороны, а некоторые помчались в сторону дальнего леса, где находилось Духово болото, над которым было черным-черно от вороньих стай...

— Отца видел и даже говорил с ним? — запнулась Зинаида. — Уж сколько лет прошло, как на мазарки снесли, он ни разочка во сне не приходил, а нынче приснился. И другую обувь попросил. Аж на душе заскребло, как ты сказал...

И, взглянув на икону, торопливо перекрестилась.

— Да, велел другую обувь принести. Я сразу говорил вам, когда он помер, что для него маленькие ботинки приготовили, у него ножища-то здоровенная была, а вы заупрямились. Не выбрасывать же, за них деньги плочены... — передразнил Матвей. — Еле ноги в ботинки всунули, когда в смертную одежду одевали, а теперь напомнил о себе. Вот так стоял передо мной и смотрел, а сам хмурился, брови сдвинул, потом сказал про обувь и к себе позвал. Мол, приходи, Матюха, я жду тебя. Глянь, Зинка, вот так меня звал, — и Матвей медленно помахал рукой.

— Ой, Божечка, беда пришла, — зашептала Зинаида и взглянула на мужа. — И ты согласился? Надо было сказать, чтобы не звал к себе, что ты еще не все дела переделал. А когда освободишься и настанет твое время, сам придешь. А то вон как у Леньки Малуева получилось. Тоже батя приснился. К себе позвал. Ленька пообещал, что придет. И что ты думаешь, через неделю на машине разбился. Встретился с отцом. А еще говорят...

— Хватит придумывать, — перебил Матвей и пожал плечами. — Это же отец. Сама знаешь, его слово — закон для всех, — и тут же нахмурился. — Ты, Зинка, не трепли языком, а лучше делом займись. Куда упрятала тапки, что дочка привезла? Вытаскивай. Я бате отнесу, пока на улице не стемнело. Он ждет...

— А зачем ему сказал, что тапки есть? Мог бы соврать, чтобы к нему не ходить. Сказал бы, что заболел, ну, чтобы не тащиться на Духово болото, а ты... — она сокрушенно закачала головой. — Что говоришь? А, тапки... Так это... — Зинаида дернула головой, запнувшись, и неопределенно махнула рукой. — Там они... Там тапки лежат.

— Вот поднимись и иди за ними, — заворчал Матвей и ткнул пальцем в половицу. — Живо принесла! Сидит, языком молотит. Батя ждать не любит. Сама знаешь. Да и мне нужно поторопиться, чтобы темной ночью не возвращаться.

Жена недовольно забушнила, когда Матвей поднялся и, не глядя под ноги, наступая на разбросанные вещи, направился к столу. Зинаида поглядела на него, а потом опустила на лавку возле окна и мелко перекрестилась.

— Слышь, Матюша, может, почудилось, что к себе зовет? — прикрывая рот ладошкой, сказала Зинаида, раскачиваясь на лавке. — Мало ли что приснится, тем более стопочку-другую опрокинул. На душе захорошело. Заспал, вот и померещилось... Пока ты храпел, я на двор выходила. Едва с крыльца спустилась, как на меня вороны налетели, чуть было не заклевали, пока белье развешивала, а потом наша собака завывла, зараза такая. Тоненько так, с подвыванием, аж на душе нехорошо стало. Сапогом в нее кинула. Промахнулась. В соседский огород улетел. Потом схожу, заберу. Я сердцем почувала, что беда крадется, когда вороны налетели. Уж молитвы читала, Боженьку просила, чтобы напасть от дома отвел, — мысль прыгала с пятого на десятое. Зинаида поправила выбившуюся прядку волос из-под косынки, застегнула, а потом снова расстегнула верхнюю пуговку на кофте, а сама сидела, разглаживая руками невидимые складки на юбке, и все горестно покачивала головой. — Глянь, столько лет твой батя не снился. Помер-то, когда молодыми были, а сейчас у самих дочка взрослая, того и гляди внуком одарит. И вот тебя батя огорошил — приснился, да еще к себе позвал. Слышь, Матюш, а каким его видел — молодой батя или изменился? Да неужто? — она всплеснула руками. — Ох, не к добру это! И, правда, нику-

да не денешься — это батя, и его нужно слушать, даже если он помер. Зря не приснится. Матюша, ты в Духово болото не суйся. Сгинешь. Не зря же народ говорит, что туда нельзя заходить, темную силу можешь разбудить, и тогда все — вмиг пропадешь. Вон, вспомни, сколько людей исчезло. Слух был, что они хотели на остров перебраться, и ни один оттуда не вышел. Сгинули. А охотники пропадали, а бабы, что за ягодой ходили и исчезли. Это Духово болото забрало. Я, когда беременная была, тоже ходила туда, на камне узелок оставила. Хотела, чтобы роды легкими были. И правда, легко дочку родила. Глазом моргнуть не успела, как разродилась. И я не болела, и дочка здоровенькой росла. Люди же зря не станут говорить про Духово болото. Значит, в нем сила огромная заключена. И если ты пришел с добром к нему, он добром ответит, а если с плохими мыслями появишься, значит, злые силы разбудить. Но, Матвей, не забывай, в болото не заступай, иначе беду за собой приведешь, — она замолчала, о чем-то задумавшись, а потом продолжила. — Ты по тропке доберешься до него — осмотришь; увидишь большой камень, что в землю врос. Сразу его узнаешь. Прямо как наш стол, а может, и поболее. С краешку на него положи коробку с подношениями и уходи, не оглядываясь. Иначе беду за собой приведешь. Матюша, я кроме тапок носки шерстяные положу, ну и по мелочи, пачку-другую папиросок, спички, конфеток да печенья. Ну, так, на всякий случай. Как принято у людей... Ох, на душе тревожно, аж каждая поджилочка трясется...

Сказала, а у самой плечики задрожали, и Зинаида незаметно смахнула слезу, нахмурилась и посмотрела на мужа. Неслышно поднялась, метнулась к комоду, покопалась в нем, достала шерстяные носки, новые, к зиме связала. Положила на стол и заторопилась на веранду. Вернулась, держа в руках обычную коробку. Открыла, поглядела на синие тапочки и вздохнула — жалко все же, а потом сунула туда носки, сигареты, горсточку конфет, несколько печенюшек, про спички не забыла — тоже сунула, потом закрыла коробку и бечевкой крест-накрест перетянула ее, чтобы по дороге не растерял.

— Все, Матвей, приготовила, — опять закачала головой Зинаида. — Ты уж поосторожнее. Не вздумай в болото сунуться. Сгинешь. С краешку, с краешку оставь... Погоди-ка, на дорожку опрокинь стопочку. Как зачем? Ну, так, на всякий случай. Мало ли...

И завздохала. Вышла на веранду. Было слышно, чем-то гремела, потом вернулась, держа в руках запыленную бутылку, налила стопку и протянула.

— Выпей, Матюш, все не так страшно будет. Ну, а ежели хочешь, можешь и вторую налить. Все веселее на душе станет...

Сказала и завздохала, исподтишка поглядывая в сторону темного леса.

Матвей взглянул на нее исподлобья. Опрокинул стопку. Отмахнулся от закуски. Мотнул головой, закричал и утерся рукавом. Потом взял коробку, зачем-то потряс ее и прислушался, хмыкнул, пожимая плечами, — впервые приходится идти к Духову болоту с подношениями. Сдернул с гвоздя засаленную фуражку. Натянул сапоги, приотпнул. В такую непогоду сапоги — милое дело. Опять взглянул на Зинаиду, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и вышел во двор.

Едва захлопнулась дверь, Зинаида сунула бутылку в угол, сдернула с вешалки кацавейку и выскочила следом, но, заметив мужа возле калитки, запнулась на крыльце, не ожидая его увидеть, потопталась, раздумывая, а потом вернулась в дом и метнулась к окну, раздвинула занавески, и прикинула к грязному стеклу, наблюдая за Матвеем, а сама что-то нашептывала...

Тучи над деревней — низкие, темные, мрачные. Разбитая извилистая дорога, вся в рытвинах. По краю разлохматился репейник чуть ли не в рост человека и татарник оцетинился колючками — не дай Бог, дотронешься, потом замучаешься вытаскивать. Промелькнула кошка, припадая к мокрой земле, и исчезла в за-

рослях. Над домом тревожно каргают вороны, то взмывают, то снова садятся на дерево, что стояло возле двора или начинали кружить над домом. Замерла деревня. Никого не видно. Глухие заборы, калитки на запорах, плотно закрыты ворота. Изредка собака завоет и тут же умолкает. Себя боится. На душе тоскливо. Тучи давят, к земле прижимают. Ветрено, сыро, зябко — беспокойно.

Опять завздыхала Зинаида.

— Чует мое сердце, не к добру приснился батя, — продолжая поглядывать в мутное окошко, забормотала Зинаида. — А я голову изломала, с чего это Матюшка в последние дни захандрил. Виду не подает, а все дела забросил. Даже от рюмки отказывался. То возле двора стоит. Каждого останавливал, кто мимо проходил и по долгу разговаривал, словно наговориться хотел, а сам по сторонам поглядывал, не идет ли кто? А домой вернется — и сразу на кровать. Лежит и в окошко посматривает, словно кого-то ждал. А тут на тебе — батя во сне заявился. Мало того, что обувь попросил, так еще к себе зовет. Вот откуда нужно ждать беду. Не зря вороны кружат над избой, да еще Жучка завывла, сволота этакая. И опять над Духовым болотом от вороньих стай черным-черно стало. Когда они собираются там, всегда жди несчастье. Ох, Божечка мой! Как же эту напасть отвести от избы-то?

Зинаида вскочила с лавки, взглянула на образа, мелко перекрестилась, шепча под нос, прошмыгнула в заднюю избу и принялась хлопать дверками стола, а потом снова вернулась, склонилась возле этажерки и стала перебирать книжки, схватила молитвенник, открыла его, долго шелестела потрепанными страницами и начала читать, то и дело осеняя себя крестом.

Матвей потуже запахнул фуфайку. Промозглый ветер, осенний. Потер ладонью уши. Вроде до морозов еще далековато, а уши стали замерзать. К чему, а? Поправил коробку под мышкой. Закурил. Посмотрел на далекий темный лес, который едва виднелся в мелкой мороси. Оглянулся по сторонам. Никого. Матвей опять потер уши. Задумавшись, мотнул головой, вспоминая Духово болото. Наверное, когда его снесут на мазарки, другие так и будут ходить к Духову болоту, и будут носить сверточки да коробки. Так было принято. Давно принято. Не одно поколение ходило и будет ходить к нему с подношениями. Конечно, можно было посмеяться над этими предрассудками, а вот нужно ли это делать — он не знал. Лучше придерживаться обычая, как принято здесь, а то натворишь делов, что не разгребешь. Матвей взглянул на деревню. Дорога матово поблескивала от холодной мороси. Везде серые лужи, того и гляди ненароком ступишь в каюк-нибудь. Тяжелые облака. Там, вдалеке, темные тучи словно цепляются краями за крыши домов да изгороди. Все потонуло в серой дымке. Зябко, тоскливо. Матвей передернул плечами. В палисадниках сиротливо стоят сирень да бузина, а в некоторых яблоньки-дички виднеются да пяток берез разбросано по деревне — кроны в сорочьих гнездах. Темные глухие заборы, почти возле каждого двора стоят скамейки. Летом хорошо сидеть возле двора. А сейчас они намокли, доски набухли от дождя, казалось, ткни пальцем — и появится вода. Повсюду зелень на черных поверхностях. И по низу заборов зелень виднеется — это мох ползет. Не успеешь оглянуться, все мхом затынет: камни, деревья, заборы и избы — всю округу. Неподалеку протяжно завывла собака и тут же смолкла от сердитого окрика. Следом вторая собака откликнулась. Жалобно завывла, тоскливо. А там еще одна отозвалась, и сразу на душе заскребло... Матвей чертыхнулся. Не ко времени собаки завывли, не к добру...

Матвей чертыхнулся. Казалось, всего полжизни прожито, а в приметы верит, словно древняя старуха. Он нахмурился, сдвинул фуражку на глаза и пошел по обочине, по увядшей траве, все не так скользко, как на дороге, и в лужу не попадешь. А как тут не поверить в эти самые приметы, если вся округа в них верит с давних времен. Правду Зинаида говорила, что люди пропадали. Охотники или

бабы за ягодами пойдут, забредут к Духову болоту и не возвращаются. Искали, а как же, но ни одного не нашли. Исчезли. А были такие, кто пытался на остров перебраться, чтобы сокровища поискать — это уж точно верная смерть. Не зря темные силы берегут разбойничье добро. Никому не дается в руки. Да и найдут ли — это никому неизвестно...

Местные жители давно заметили, если над дальним лесом начинали кружить вороньи стаи — это к беде. И в такое время старались не ходить к Духову болоту, чтобы беду не накликать. И сегодня вороньи стаи кружатся, а ему нужно попасть к Духову болоту, потому что отцу пообещал, что придет. Такие дела в долгий ящик не откладываются. Все, кто видит предков во сне, сразу собирают узелки и торопятся к Духову болоту, чтобы подношение оставить. И ему пришлось пойти. Авось пронесет и ничего худого в дом не притащит за собой. Матвей верил в приметы. Он шагал по тропинке и вспоминал, как по весне Колька Малинин вышел ко двору, соседям стал сон рассказывать, будто грязную воду увидел и себя в какой-то канаве или яме — он не разобрал. Говорили ему, чтобы узелок собрал и к болоту отнес, а Колька Малинин отмахнулся — не верю, а может, пожадничал. Ну и что? А то, что к вечеру в соседнюю деревню потащился через речку и ухнул в промоину, только одна шапка осталась на снегу. Вот тебе и грязная вода, вот тебе и канава с ямой... Две бабы из соседнего села забрели на болото, собирая ягоды и исчезли. А сколько за долгие годы пропало охотников — этих не счесть. И все равно идут, надеясь, что с ними ничего не случится, но не все возвращаются... А батя покойный рассказывал, как решил срезать путь, когда возвращался из соседнего села, до которого всего было десять километров. Отец отправился через лес, чтобы быстрее до дома добраться. И заблудился. Казалось, до дома рукой подать, а он потерялся в лесу. Куда ни сунется, везде бурелом и лес стеной стоит. Хотел обратно вернуться и снова оказался в непроходимой чаще. Целую неделю без еды и воды блуждал по лесу. Думал, под деревом помрет. Лежал, ни рукой, ни ногой не мог шевельнуть, а в мыслях сказал, если выберется, сразу гостинчик для Духова болота отнесет. И тотчас почувал, будто сила прибавилась. Поднялся, разлепил глаза, искусанные мошкой, огляделся — и видит: а места-то знакомые. И пошел по лесу, пошел, словно кто дорогу указывал... К вечеру выбрался. Домой вернулся, а дома-то уж и не чаяли его в живых увидеть. Кожа да кости остались. Мать сразу же узелок собрала, и он, не отдохнув, направился к болоту. Так и спасся... А Танька Егоркина, когда на сносях была, пошла к болоту, а узелок позабыла — и ее... Матвей чертыхнулся. О, чего только не передумаешь, пока до Духова болота доберешься...

Уж никто не помнил, с каких пор люди стали ходить к Духову болоту. Нет, не в само болото, а к каменному столу, что на краю стоял. Всегда было так: если лето выдавалось сухим и начинали полыхать пожары или скотинка начинала гибнуть непонятно отчего, или градом весь урожай перемесит, или, не дай бог, люди начинали болеть и умирать в селениях, тогда сразу по деревням слухок проползал, что кто-то темную силу разбудил, что в том болоте таилась, а она за это мстит людям, что ее потревожили. Говорили, будто силы огромные в этом болоте таятся, как добрые, так и злые. Все зависит от человека, с чем туда придет...

К Духову болоту ходили со всеми бедами и радостями. Особенно если рождалась ребятишки — и тогда шли к болоту, чтобы попросить у духов здоровья для детей; когда свадьбы играли, молодые торопились туда, чтобы положить узелок на хорошую жизнь. Люди шли к Духову болоту. Относили гостинчик. Останавливались на краю болота, но вглубь не совались — боялись, а вот гостинчики складывали на большой камень, что возле болота лежал, и говорили, с чем пришли, что они хотят. Постоят, а потом, не оглядываясь, возвращаются в деревню. А подношения исчезали. Значит, болото приняло дары. А бывало, узелки оставались набранными, и тогда лесные птицы с воронами растаскивали дары. Но в то же

время у людей, чьи узелки растеребили вороны, почему-то происходили несчастья. Значит, гостинчик не приняло болото и отдало воронью, а почему такое случилось, никто не знал.

Матвей с малых лет знал, что к Духову болоту опасно ходить. На своей шкуре испытал, когда с мальчишками сбегал туда, чтобы разыскать исчезнувшие сокровища. Родители говорили, будто в стародавние времена на острове, что был среди болота, в небольшой избушке жил отшельник, а может, бродяга — кто его знает, а потом туда добрались лихие люди. Расправились с отшельником, распяли его на огромном камне, что лежал возле болота, железные клинья в руки и ноги вбили, так и оставили помирать, а сами расположились в его избушке. Грабежами занимались и убийствами. Много невинных душ погубили и утопили в болоте, чтобы никто не нашел. Забирали добро и уходили тайными тропками на остров. Долго за ними гонялись, а потом все же выследили. Дождались, когда они из болота вышли, дорогу перекрыли, чтобы никто из разбойников не ускользнул, и тут же всех положили. Всех убили! Говорят, и схоронили там же, в трясины сбросили убитых разбойников, а сверху еще огромный камень опустили. А когда сунулись на остров, чтобы забрать награбленное добро, никаких сокровищ не обнаружили. И куда они делись, до сих пор неизвестно...

А вскоре началась война с французами. Старики говорили, что здесь сильные бои шли. Много деревень сгорело. А как не сгореть, ежели по три раза в день власть менялась. Люди в землянках ютились. Много полегло в тех страшных боях: и русских солдат, и мирного населения, и французов. Однажды русские заглажи в ловушку французский отряд. Некуда было скрыться. Со всех сторон обложили, и тогда французский генерал велел отряду пробиваться через болото. Нашли проводника среди местных. Он повел. Долго кружил. Вроде давно должны были перебраться на другую сторону, а оказались на острове, с которого был замечен край болота, откуда они начали свой путь. Рассвирепели французы. Поняли, что попали в ловушку. Изрубили проводника, а сами напрямую бросились к берегу. Не смогли добраться. Часть утонула в трясине, а другим повезло. Они вернулись на остров, где когда-то скрывались разбойники. Правда, неизвестно, кому больше повезло — убитым и утонувшим в трясине или спасшимся на этом острове. Они не смогли выбраться на твердую землю и стали обороняться. Понимали, что живыми отсюда не выберутся. Лучше погибнуть в бою, чем в трясине или голодной смертью. И сражались. Русские отряды не могли взять их. Не подступишься к болоту — с трех сторон лес в воде стоит, а шагнешь — трясина, где согнуться легче легкого. А одна сторона болота была чистая. Остров среди болота виднеется, а не подступишься. Трясина кругом, низкие сосенки растут, и французы не подпускали. Едва русские появятся на краю болота, вражеский отряд открывал огонь. И тогда русские протасили пушки, установили в кустах и принялись стрелять. Не смогли уничтожить французский отряд, зато перепахали все болото, уничтожая тайные тропки с островка. Знали, что французы попали в ловушку, из которой не было выхода. Многие жители говорили, что оттуда долго доносились людские голоса. И разговаривали, и вроде просили, чтобы отпустили их, и песни пели, и ругались, а уцелевшие лошади начинали ржать. И так тоскливо, так больно, аж дух захватывало. А потом все тише и реже стали раздаваться голоса. И в один из дней вообще наступила тишина.

Русские нашли проводника, который согласился провести на остров. Добрались. Весь островок обыскали, под каждый куст заглянули, а отряд словно испарился. Везде воронки, обрывки сбруи или одежды, два или три стоптанных сапога валялось, а вот людей и лошадей на острове не было. И следов не было, ни человеческих, ни лошадиных. Исчезли. Все до единого! Куда пропали с острова, никто не знает. А среди тех, кто с проводником побывал на островке, словно мор про-

шел. Многие умерли, а те, кто остался, тоже не жильцы были. А вскоре что-то непонятное и необъяснимое стало твориться. Кто мимо болота проходил, все слышали со стороны острова длинные стоны, невнятные разговоры, а иногда песня долетала или доносилось ржание лошадей, а бывало, по именам окликали прохожих: тихо так, словно рядышком стояли и просили, чтобы помогли им, потому что устали они, измучились. Видать, души исчезнувших покоя не могут найти. Странные дела творились, непонятные...

Говорят, что запретный плод всегда сладок. Матвей при случае всегда рассказывал, как в детстве с ребятами хотели добраться до Духова болота, чтобы разыскать лазейку на остров, где, по рассказам стариков, должны храниться несметные сокровища разбойников, потому что когда этих разбойников нашли и убили, никакого золота и драгоценностей на острове не было обнаружено. А куда же они делись, если разбойники всегда находились там? Вот в том-то и дело, что награбленное добро тоже должно быть спрятано там. И ребята, наслушавшись рассказов, любимым путем стремились попасть на этот остров, чтобы найти спрятанные сокровища. И каждый думал: никому они в руки не дали, а они найдут. И тогда... И они начинали мечтать, что сделали бы, если бы сокровища попали в руки. И каждый мечтал о кругосветном путешествии, и каждому хотелось побывать там, а еще вон там, и тут тоже: посмотрю — и жить будем как у Христа за пазухой. Видать, все же боженька оберегал ребят. Сколько раз ребятня из окрестных деревень пыталась добраться до болота. Хотя привязывай, так и норовили убежать. Пошуткаются, потомiberутся, прихватят фонари и тропкой подаются в сторону далекого леса. Но самое странное, что ни разу не смогли попасть на остров, даже добраться не успевали. Родителям словно на ухо шептали, что пацаны подались к Духову болоту. По дороге перехватывали ребят. И Матвея ловил отец, и ему доставалось на орехи. Всех беспощадно лупили. Крапивой, прутьями, ремнем, а бывало, кнутом хлестали. Но все равно, пройдет немного времени, и опять какие-нибудь ребята собирались и подавались в сторону болота, потому что всем хотелось найти исчезнувшие сокровища, а чем это может обернуться — никто не задумывался. А потом, кто порывался на Духовом болоте побывать и на остров дорогу найти, все начинали по ночам метаться, кричать во сне и все рвались куда-то бежать. И так было до тех пор, пока родители не относили узелочки на край болота, чтобы задобрить неведомые силы. И родители Матвея тоже ходили к Духову болоту, чтобы оставить на камне подношение...

Долго Зинаида выглядывала в окошко или набрасывала кацавейку и выходила за калитку. Смотрела, не идет ли Матвей. Извелась, вспоминая сон. Не зря батя приснился. Да еще за собой зовет. А если к себе зовет, значит, жди беду. Зинаида не выдержала. Поднялась на взгорок, оттуда лучше видать тропку, что к темному лесу вела, и стояла на вершинке, приложив ладошку к глазам. Всматривалась в осеннюю морось. А морось затянула округу. Все дымкой покрыла. Вот почудилось, кто-то вдалеке мелькнул. Зинаида застыла, всматриваясь вдаль. Нет, показалось... А вон снова черное замелькало. Тьфу ты! Стаю ворон от человека не смогла отличить. Зинаида чертыхнулась. Развернулась и чуть было не уселась на пожухлую траву. Ноги подогнулись, когда увидела своего Матвея на скамейке возле дома. Всего лишь одна тропинка в сторону далекого леса вьется, а ведь он мимо взгорка не проходил, на котором она стояла. А сейчас сидит на лавке. Непонятно.

Зинаида мелко перекрестилась и заторопилась к дому.

Опустив голову, на скамейке сидел Матвей. Фуражки не было. Он сидел, о чем-то думал, не обращая внимания на мелкую морось, на промокшую тяжелую фуфайку, на изгвазданные сапоги с ошметками грязи, на штаны, где выше колена

был вырвал клок материи, и руки, все в царапинах и ссадинах. Взглянул на жену, когда его окликнула, и опять опустил голову.

— Я все глазоньки проглядела, вся насквозь промокла, тебя ожидаючи, повернулась, а ты сидишь, прохладжаешься и даже не позвал, — всплескивая руками, зачестила Зинаида. — Как ты мимо меня проскочил, а?

Матвей пожал плечами. Вздохнул. Было заметно, что он устал.

— Я помахал тебе, несколько раз окликнул, а ты стояла на взгорке, приложила ладонь и смотрела вдаль, а меня словно не заметила, — сказал Матвей и грязной ладонью вытер лицо. — В сторону Духова болота смотрела. Опять позвал и пошел к дому. Думал, за мной подашься, а ты, оказывается, там осталась. Как не слышала, что я кричал? Я же рядышком потоптался, кликнул тебя, сказал, чтобы домой шла, нечего под дождем стоять, и сам пошел, не оглядываясь. Думал, следом идешь, а ты... Ослепла, что ли, ежели говоришь, что не видела меня...

Зинаида незаметно перекрестилась и взглянула на взгорок.

— Ей-богу, не слышала! — Она снова перекрестилась. — Вся тропка до самого леса как на ладони, мышь не проскочит, а ты говоришь, будто мимо прошел. Не бреши!

И махнула рукой.

— Что мне брехать-то? — Матвей посмотрел на нее и ткнул в сторону леса. — А откуда же я взялся, если от Духова болота в деревню всего одна тропинка ведет, а? Я же не попрусь по раскисшим полям. Сразу бы увяз...

Зинаида опять оглянулась. Задумалась, глядя на раскисшую дорогу, на черные осенние поля и голый лес, что стоял вдаль.

— Значит, нечистая водит, — решила она и закачала головой, прикрыв рот ладошкой. — Божечка мой, беда пришла, не иначе, — и тут же: — А что расселся? Морось который день сыплет, а ты шляешься с голой головой. А где твоя фуражка? Ты же в ней ушел...

Матвей потрогал голову. Оглянулся, посмотрел на лавку. Пожал плечами.

— Не знаю, мать, — сказал он, потом долгим взглядом смотрел на черную полосу далекого леса, где было Духово болото, и кивнул: — Наверное, потерял. Там...

— Вот и покупай тебе вещи, а ты теряешь их. Такая хорошая фуражка была, сносу нет, — недовольно заворчала Зинаида. — А что хмурый?

— Устал я, мать, — он растер лицо ладонями. — Пока туда добрался, всю свою жизнь перебрал, обо всем думал. Иду по тропинке, и чем ближе к Духову болоту, тем меньше силы у меня остается, словно ее вытягивают, словно с каждым шагом моя жизнь укорачивается. Шаг — дня как не бывало, шаг — еще на один день ближе к смерти, опять шагнул, и показалось, что порог жизни совсем рядышком находится. Сейчас переступлю — и все... Видать, от жизни устал, хотя и пожил-то всего ничего. Наверное, мой срок подошел. У каждого человека свой порог жизни. Пора в дорогу собираться. Наверное, сон в руку. Не зря же батя приснился, и собаки воют по деревне, а я сказал, когда его увидел:

— Ты, батя, подожди, сейчас принесу тапки. Переобуешься. А он ответил: «Ладно, Матвейка, буду ждать тебя. Знаю, скоро придешь». Сны не обманывают — они пророчат. Значит, настала пора отправляться в последний путь. Правда, еще не нажился на этом свете, много задуманного, но мало сделанного, но, видимо, пришло мое время с нашими встретиться...

— Что говоришь, Матюшка! — всплеснула руками Зинаида и не удержалась, шлепнула его по голове. — Ишь, бестолковый, нажился! Что каркаешь-то? Батя ждет... Вот сходил, отнес тапки с носками, и все, он успокоится. У всех же так бывает, кто умерших родственников во сне видел. Отнесут узелочек с подношениями к Духову болоту, потом дома помянут — и сразу плохое исчезает, а если с

добром тогда пришел, хорошее сбудется. Устал, говорю... — она поправила платок. — Как не устать, если бьемся всю жизньюшку, ни денечка спокойно не прожили. Не успеешь глаза открыть, уж пора делами заниматься, а вечером к подушке клонишься, глаза еще не закрылись, а уже засыпаешь. Конечно, устанешь! И я умоталась. Что говорить, тоже еле ноги таскаю. Все надоело в жизни, все. Сколько тебе говорю, что пора к дочке перебираться. В городе жизнь другая. Легкая! Катались бы как сыр в масле. Ни забот, ни хлопот. Не нужно в огороде ковыряться, не надо корма заготовливать и скотину держать. Живи на всем готовом и радуйся. А здесь... Эх, глаза бы не глядели...

Она махнула рукой и поджала тонкие губы.

— Мы никому не нужны в городе, — поморщившись, отмахнулся Матвей. — В нашем возрасте работу искать — это бесполезно. Там телятницы не требуются. В лучшем случае могут взять дворником, потому что у тебя никакого образования нет, да и возраст неподходящий, чтобы учиться и в кабинетах просиживать. А на улице сама знаешь, как зимой работать. Без рук и ног останешься, пока все уберешь. Родной двор чистишь, вся спина мокрая, а там гектары дворов. Никакой силы не хватит, чтобы за порядком присматривать. Ну, я еще могу устроиться трактористом или в слесаря пойти. Но все равно денег не хватит. В городе жизнь хорошая, но дорогая, мать вашу так! Вон посмотри, дочка с утра и до ночи горбатится на работе, а зять, Петька, один раз в жизни выпил и до сей поры похмеляется. На всех обиду затаил, что его тонкую натуру никто не понимает. А что понимать, если он алкаш конченый? Вроде молодой, жить бы да жить, а он кроме рюмки ничего не хочет видеть. А дочка живет с ним, потому что жалеет. Говорит, он пропадет без нее. Сколько говорили ей, а она свое твердит. А ты хочешь, чтобы к ним поехали. Свалимся на дочкину шею. Хватит, уже один охламон сидит и ноги свесил. И мы следом прикатим. Нет, мать, я говорю — устал жить. Понимаешь — жить! Наверное, смертушка по пятам ходит и не может дожидаться, чтобы меня забрать. — Он задумался, а потом встрепенулся, взглянул на жену. — А ты знаешь, мать, я на том острове побывал, откуда голоса доносятся. Да вот...

Он закивал головой и снова — взгляд в землю.

— Да ты что... — Зинаида зажала рот ладошками. — Бреешь, Матюшка! Оттуда еще никто живым не вернулся. Что тебя черти понесли на этот остров? Я же говорила, положи коробку на камень, где отшельника распяли, и уходи, не оглядываясь, иначе беда вслед за тобой придет. А ты на остров подался... Ой, Матюшка, ты же темные силы разбудил. Господи, спаси и сохрани! — Она стала мелко креститься, что-то бормоча под нос. — Просила тебя: оставь на камне, оставь, а ты...

И всхлипнула.

— Ладно, успеешь поплакать, когда время придет, — заворчал Матвей и поднялся с лавки. — Устал я, мать. Туда добрался. Вышел на край болота. Гляжу, на камне ничего нет. Может, птицы и звери растащили, а может, Духово болото приняло подношения, как говорят. Отдышался. Походил по берегу. Ну и того... В общем, побывал там. Пойду, мать, прилягу. Залихоманило меня. Никакой силушки не осталось, словно в древнего старика превратился. Едва до дома добрался. Опасался, если основлюсь — значит, упаду, потому что ноги не держали. А если б свалился, как же ты нашла бы меня? Вот и пришлось ноги переставлять, лишь бы добрести. Устал я...

Матвей постоял, потоптался. Нахмурившись, исподлобья взглянул в сторону далекого леса, над которым кружились вороньи стаи, мотнул головой, скрипнул калиткой и, оскальзываясь, направился к крыльцу.

Он долго стоял на крыльце. Курил, о чем-то думал. Поворачивался к Зинаиде, которая стояла под навесом и укладывала щепу в кучку — это для растопки. Смотрел на нее, а потом отводил взгляд и снова доставал мятую пачку папирос и заку-

ривал. Зябко повел плечами. Что ни говори, а скоро заморозки. А сейчас холодно, сыро, зябко. Прошел в избу. Скинул промокшую фуфайку. Зачерпнул воды из ведра, что стояло на скамье. Выпил. Наклонив голову, чтобы не удариться о прилолку, прошел в горницу. Долго стоял перед иконой. Хмурился, на нее глядел. Что-то шептал. Потом присел на лавку возле окна. Подпер ладонью подбородок и уставился в окно, за которым уже повечерело.

— На душе тревожно, — задумчиво сказал он. — Сижу, всю жизнь перебираю. Даже странно... Никогда не задумывался, а сейчас всю свою жизнь по полочкам раскладываю. К чему бы, а? Знаешь, мать, — он взглянул на жену, — давно хотел спросить и забывал... У меня есть смертная одежка, или ты еще не готовила? Ты время не тяни, приготовь и в шкаф положи. Так, на всякий случай. Пусть лежит. Хлеба не просит, а время придет...

Сказал и замолчал.

— Что тебе понадобится? — отозвалась Зинаида из кухоньки, а потом заглянула в горницу. — Куда торопишься? Заметила, сам не свой вернулся. Меня не проведешь. Я ж тебя насквозь вижу. Ага... Ишь ты, помирать собрался. Всего до половины жизни дотянул, а туда же — помру, помру... Да на тебе пахать можно, в плечах косая сажень, а ты дурью маешься. Всякую ерунду говоришь. Рано еще. Живи, пока живется...

И встала в дверях, уперев руки в бока.

— Как — куда тороплюсь? — Матвей удивленно взглянул на жену. — Я же сказал, что помру. Вот придет мое время, помру — и все на этом. У каждого человека свой порог жизни, через который он должен переступить...

И так спокойно сказал, так смиренно, что Зинаида громко и протяжно икнула и закачала головой, а потом принялась креститься.

— Матюш... Матюша, опомнись, — заторопилась она. — Чего ты удумал? Отведи беду от себя, не пускай ее в избу. Пусть возвращается туда, откуда пришла. Не поддавайся. Если сломаешься, смертушка быстро тебя заберет. Отгоняй ее, отгоняй!

— Знаешь, мать, сколько живу на свете, все хотелось побывать на том острове, где слышны людские голоса, — задумчиво сказал Матвей. — Если там жил отшельник, потом прятались разбойники, и все награбленное добро исчезло, французский отряд попал в ловушку на этом же самом острове и тоже исчез, что ни одного следочка не осталось. А куда все подевалось? Я же с ребятами в детстве сколько раз пытался добраться туда, и не получалось. Отец так лупцевал, что на заднице одни сплошные шрамы, а я все равно хотел пробраться на остров. И сейчас моя мечта сбылась. Мне захотелось там побывать, чтобы своими глазами на все посмотреть. Послушать голоса, плач, лошадиное ржание, а если повезет, найти сокровища, про которые с малых лет слышал, но самое главное — понять, почему люди боятся Духова болота. Вот и решил: хоть одним глазком, но посмотрю, что за огромная сила там спрятана, от которой все бегут сломя голову. И я пошел...

Зинаида застыла возле двери и с тревогой стала ждать, что скажет муж. Знала, его не нужно торопить. Сам расскажет. А если начнешь подгонять, умолкнет — и все, потом не допросишься.

— Я вышел за деревню, потом свернул на тропку, чтобы побыстрее добраться. Иду, а ноги как чужие. Остановлюсь, отдышусь и снова шагаю. И чем ближе подходил, тем тяжелее было шагать, словно всю силушку из меня забирали, будто с каждым шагом я все старше и старше становлюсь. В лес зашел. За кусты, за деревья цепляюсь, а сам под ноги смотрю, чтобы тропку не потерять. Добрался. Стою между чахлах низких сосен, а внутри меня страх ползет. Душа в кулак сжимается. Огляделся. Положил коробку на камень, где отшельника распяли. Постоял.

Потом все же решился и стал осматриваться по сторонам. А следом как будто меня подтолкнули к болоту. Один шагок, второй, третий, под ногами все качается, того и гляди провалюсь, а сам прислушиваюсь. Тишина... Такая тишина, аж в ушах звенит. Ни голосов, ни песен, ни лошадиного ржания — ничего! Вокруг топи, низкие сосны, осока виднеется, рогоз, а мне словно тропку указывали, по которой должен пройти. Ведь ни разу не оступился, будто по твердой дороге шагал. Выбрался на остров и сам удивляюсь, как я живым добрался, если тут столько народу пропало, как рассказывают. Немного передохнул, а потом весь остров обошел. Под каждый куст заглянул. Ничего не нашел, ни единого следочка, что стояла изба, в которой жил отшельник, прятались разбойники со своими сокровищами и укрылся французский отряд. Понимаешь, должни были остаться следы! Хоть что-то, но должно остаться. А там ничего нет. Пустой остров, словно никто и никогда на нем не был. Если взглянуть, таких островков по всему болоту много разбросано. И я понял, что никакой силы в Духовом болоте не таится. Все это придумали люди. Понимаешь, мать? Нет того Духова болота, про которое многие годы шепотом говорили, куда люди со всей округи шли с узелками, чтобы от всяких бед избавиться или наоборот, радостью поделиться. Ничего нет! И получается, что вся вера в Духово болото, где кроются темные и светлые силы, — пустая болтовня и не более того.

— Да ты что говоришь, Матюшка, как только язык повернулся такое сказать? — зашептала Зинаида и невольно взглянула на темное окно. — Так нельзя. В Духовом болоте силы преогромные таятся. Не дай Бог, если разбудишь! А ты потревожил, беду за собой привел...

— Ерунда, — пренебрежительно отмахнулся Матвей. — Пустой островок, каких много в наших болотах можно найти, и ни одного следочка. Вот так-то, мать! Все верили в Духово болото и его несметные сокровища, которые охраняют огромные неведомые силы. Даже я верил и сейчас побывал там, а у самого мыслишка появилась, а вдруг да найду спрятанное добро. Но все оказалось пустой болтовней и не более того, — он запнулся, а потом усмехнулся. — Забыл сказать... Я перебрался на берег. Оглянулся, над болотом огоньки появились. Вот так, на уровне руки светились, словно дорогу указывали. Я еще посмеялся над страхами. Говорят, если встретил огоньки — это к смерти, а я живым вернулся с острова. Правда, устал. Очень сильно устал, словно всю силушку из меня вытянули. Постоял возле камня, немного отдохнул, посмотрел на нашу коробку, которая там лежала, забрал и обратно принес. Там, возле печки положил. Убери на место. Самим пригодится. Нечего понапрасну вещами разбрасываться. Пряжи не напасешься, ежели каждый раз туда относить. А тапочки мне впору будут. Мягонькие, как погляжу, и легонькие, словно пушинка. Вот уж ногам-то радость! Ладно, мать, я прилягу. Устал что-то...

Сказал и принялся стаскивать с себя рубаху.

А следующим вечером Матвея не стало. Весь день во дворе возился. Видно было, о чем-то думал. Невпопад отвечал на вопросы, а то и вовсе молчал, словно не слышал. Поднимется на крыльцо, а сам нет-нет, а все посматривал в сторону Духова болота. Постоит, и снова берется за работу. Темнеть стало, когда в избу вернулся. Повечеряли. Он набросил фуфайку на плечи и вышел на улицу, чтобы покурить. Присел на лавку возле двора. Закурил, привалился к забору — и все. Умер.

А прохожие, случайно забредшие в тот вечер к Духову болоту, услышали, как из глубины болота, где находился остров, опять стали доноситься лошадиное ржание, невнятные голоса, протяжные песни и тихий плач. И так тоскливо, так больно, аж дух захватывало...